

был почти целиком уничтожен пояс коренных лесов»⁸¹ в Балкарии и многих других районах Центрального Кавказа.

Усиление роли перегонной и пастбищной ФС за счет более интенсивных отгонной, выгонной и яйлажной ФС, наблюдавшееся у балкарцев и карачаевцев в XIX в., явилось, таким образом, следствием не только политической стабилизации на Кавказе и укрепления хозяйственных связей горцев с кабардинцами и русскими, но и результатом изменения кормовой базы скотоводства внутри Балкарии и Карачая.

Краткий анализ исторической динамики форм скотоводства тюркоязычных народов Северного Кавказа (балкарцы, карачаевцы, кумыки, ногайцы, ставропольские туркмены) демонстрирует весьма значительную роль экологических факторов в этом процессе, которую нельзя игнорировать. Особенно важно отметить, что часто решающее влияние на развитие скотоводства у этих народов оказывали те антропогенные изменения природной среды, которые сами явились результатом предшествовавшего развития данной отрасли хозяйства.

Сказанное, однако, вовсе не означает признания экологических факторов единственными либо ведущими в эволюции хозяйства. Отнюдь не отрицая значения социально-экономических и этнокультурных факторов, мы лишь вынесли их, как более изученные, за рамки работы.

⁸¹ Серебряный Л. Р., Малясова Е. С., Ильвес Э. О. К истории антропогенного воздействия на высокогорную растительность Центрального Кавказа.— В кн.: Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М.: Наука, 1981, с. 124.

Е. П. Наумов

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И БОСНИИ

(Динамика этносоциальных общностей XII—XIII вв.—от раннефеодальных к феодальным народностям)

Сложные и неравнозначные процессы этнического развития на территории современной Югославии (в частности, в рамках СР Сербии, СР Боснии и Герцеговины, СР Черногории и некоторых приморских районах СР Хорватии), которые в известной мере уже освещались в буржуазной историографии начала XX в.¹, являются важным предметом исследований современных югославских ученых. Этой проблематике применительно к эпохе развитого феодализма посвящены монографические статьи, отдельные доклады и специальные разделы в трудах общего или справочного характера, где рассматривается развитие этнических общностей той поры (сербской, хорватской и др.)². Наряду с ними следует особо указать на выступления в научных дискуссиях по вопросам этнической принадлежности населения СР Черногории³ и СР Боснии и Герцеговины в этот период⁴.

¹ См., например: *Станојевић С.* Историја српскога народа. Београд, 1908; *Новаковић С.* Неколика тежа питања српске историје.— В кн.: Из српске историје. Београд, 1966.

² См., например: *Ивић П.* Српски народ и наш језик. Београд, 1971; *Grafenauer B.* Die ethnische Gliederung und geschichtliche Rolle der westlichen Südslawen in Mittelalter. Ljubljana, 1966; *Čirković S.* Srbi. Etnički razvoj.— In: Enciklopedija Jugoslavije. T. 7. Zagreb, 1968; *Božić I. i dr.* Istorija Jugoslavije. Београд, 1972; *Janković D.* Srpska država i nastajanje srpske nacije.— In: Postanak i razvoj srpske nacije. Београд, 1979; *Durđev B.* Uloga crkve u starijoj istoriji srpskog naroda. Sarajevo, 1964; и др.

³ Подробнее см.: *Живковић Д.* Најновија историја црногорског народа.— Стварање (Титоград), 1977, № 6; *Ђурђевић Б.* О постанку црногорског народа.— Историјски записи, 1980, № 2; Етногенеза Црногораца и марксистичко одређење нације.— Пракса (Титоград), 1981, № 4; *Brković S.* O postanku i razvoju crnogorske nacije. Titograd, 1974; *Kulišić S.* O etnogenezi Crnogoraca. Titograd, 1980.

⁴ См. выступления и дискуссии на тему: «Проблемы этнического развития в Боснии и Герцеговине».— В кн.: Прилози, год XI—XII, № 11—12. Сарајево, 1975—1976; и др.

Данная тематика начала разрабатываться (особенно с 70-х годов нашего века) советскими историками и этнографами, причем были подробно проанализированы некоторые аспекты становления и развития этнического самосознания (на материалах средневековой антропологии, нарративных памятников и других источников)⁵. Основой такого анализа послужили методологические труды, имеющие принципиальное значение для воссоздания этнических процессов прошлого на современном уровне этнографической науки⁶. Особая значимость этих общеметодологических трудов советских ученых (Ю. В. Бромлей, В. Д. Королюк, Г. Г. Литаврина и др.) нам представляется тем более важной для анализа вышеназванной проблематики, что и в настоящее время многие вопросы истории этносоциальных общностей в средневековой Сербии и Боснии остаются малоизученными или спорными.

В определенной мере это объясняется тем, что для этого периода (как и для раннефеодальной эпохи), в особенности для начального его этапа, ощущается явный недостаток свидетельств исторических источников, позволяющих проследить или как-то наметить наиболее важные черты и тенденции этнической динамики. Как известно, самые ранние памятники славянской письменности в Сербии и Боснии относятся к концу XII в., а для изучения предшествующего периода учеными приходится использовать лишь иностранные сведения (преимущественно византийские) либо немногочисленные материалы местного происхождения, но написанные по-латыни и к тому же вызывающие разногласия по поводу их датировки, достоверности и надежности. К числу последних, по мнению некоторых ученых, относятся т. н. Летопись попа Дуклянина и комплекс т. н. Локрумских фальсификатов (грамот Локрумского монастыря близ Дубровника)⁷. Вполне понятно, что такие особенности источниковедческой базы вызывают серьезные расхождения в оценках или же предопределяют весьма заметную гипотетичность суждений, высказываемых о политических и этнических процессах XII—XIII вв.

Не менее важна и другая, общеметодологическая сторона таких расхождений и нередко субъективных мнений, встречающихся в имеющейся литературе. Дело в том, что в исследовании данной тематики наглядно проявляется неразработанность терминологии этнических общностей и процессов той поры (в частности, в югославянской историографии обычно говорится лишь о «народе», либо «народе в феодальном смысле» или же «нации», тогда как в советской науке уже разработана более точная иерархия и система обозначений таких общностей: раннефеодальная народность, феодальная народность, далее — иные виды этносоциальных объединений: субэтнос, протонарод-

⁵ См., например: *Королюк В. Д.* Особенности становления феодализма и формирования славянских раннефеодальных государств и народностей в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе. — Сов. славяноведение, 1970, № 5; *Литаврин Г. Г.* Влахи византийских источников X—XIII вв. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев: Штиинца, 1972; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982; *Наумов Е. П.* Волошская проблема в современной югославской историографии. — В кн.: Славяно-волошские связи. Кишинев: Штиинца, 1978, *его же*. Балканские влахи и формирование древнесербской народности. — В кн.: Этническая история восточных романцев. М.: Наука, 1979; *его же*. Процессы формирования средневековой сербской народности и балканские влахи (в XII—XIII вв.). — В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.: Наука, 1981; *его же*. Этнические представления на Балканах в эпоху раннего средневековья. — Сов. этнография, 1985, № 1; *Иванова Ю. В.* Формирование культурной общности народов Юго-Восточной Европы. — В кн.: Балканские исследования, вып. 7. М.: Наука, 1982; *его же*. Некоторые стороны сознания свободных общинников позднего средневековья. — В кн.: Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1982; и др.

⁶ См., например: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; *его же*. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981; *его же*. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983; и др.

⁷ Ср.: *Наумов Е. П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М.: Наука, 1975, с. 52—53.

ность и т. д.)⁸; нередко в литературе недостаточное внимание обращается на взаимосвязь социально-политических и этнических процессов, на противоречивость этнической картины, как и четкость в оценке наиболее важных рубежей и этапов этнической истории соответствующих народов⁹.

В чем же состоят характерные особенности данного этапа (т. е. XII—XIV вв.) этнического развития населения Сербии и Боснии по сравнению с предшествующей эпохой раннего феодализма? Чем примечателен, в частности, рубеж XI—XII вв., отделяющий, по нашему мнению, период древнесербской, раннефеодальной народности от времени сложной этнической динамики XII и особенно XIII и XIV столетий? При ответе на данные вопросы, на наш взгляд, необходимо прежде всего подчеркнуть принципиальные отличия периода XII—XIV вв. в плане социально-экономическом и политическом от предшествующей поры раннего средневековья. Как известно, для Сербии и Боснии XII—XIV вв. связаны в целом (не считая начальных десятилетий XII в.) с образованием самостоятельных и достаточно устойчивых феодальных государств, с переходом от раннего к развитому феодализму, с заметным экономическим подъемом и развитием славянской культуры, славянской письменности, возникновением крупных городов и экономических связей¹⁰.

Все это, без сомнения, оказывало заметное влияние и на этносоциальные процессы, содействуя прежде всего консолидирующим, центростремительным тенденциям, хотя в то же время — на какой-то территории (или в какой-то период) — некоторые черты социально-политической динамики способствовали и нарастанию партикуляристских, локальных, центробежных проявлений. Иными словами, несмотря на несомненные отличия эпохи развитого феодализма от периода ранне-средневекового (в плане социально-политическом и этносоциальном), и в XII—XIV вв. на данной территории «противоположные тенденции пронизывают всю этническую историю», проявляясь «во всех видах и на всех уровнях иерархии этнических общностей», более того — протекая «подчас даже в разных направлениях»¹¹.

Говоря далее о характерных особенностях, определяющих сущность перехода от раннефеодальных этнических общностей к этносоциальным образованиям развитого феодализма в Сербии и Боснии (в XII—XIV вв.), необходимо обратить внимание на то проявление горизонтальной этнической динамики, которое было связано с заметным изменением места и роли Боснии в рамках древнесербской народности. Как указывается в югославской литературе, с конца XI в. в Боснии образуется особое «этническое ядро», которое затем «укрепляется» в XIII—XIV вв.¹² Тем самым ареал феодальной сербской народности сократился за счет этих бывших северо-западных областей Сербского (Дуклянского) королевства, где власть отныне принадлежала лишь правителю (бану) и местной знати.

Как же следует оценить указанное немаловажное изменение в этой части современной Югославии с точки зрения разработанной в советской науке системы этносоциальных общностей? Вероятно, было бы правомерно сделать вывод о начавшемся в конце XI в. интенсивном развитии боснийской «протонародности», взаимосвязанном с процессом становления (особенно с начала XII в.) самостоятельной феодальной государственности¹³. Уже в середине XII в. обособление Боснии от

⁸ См., например: Бромлей Ю. В. Современные проблемы..., с. 46 сл.

⁹ Ср. Наумов Е. П. Процессы формирования..., с. 193—194.

¹⁰ См., например: История Югославии, т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963; Наумов Е. П. Господствующий класс..., с. 36 сл.; Историја народа Југославије, т. 1. Београд, 1953; и др.

¹¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы..., с. 76.

¹² Grafenauer B. Die ethnische..., S. 43.

¹³ Ср. также: Пирковић С. Историја средњовековне Босанске државе. Београд, 1964, с. 41—43; Babić A. O pitanju formiranja srednjevjekovne bosanske države.— Radovi (Nauč. Društ. NR Bos. i Herc.), knj. III (od. ist.— fil. n., knj. 2). Sarajevo, 1955, s. 77—78.

соседней Сербии и Хорватии стало настолько резким, что, видимо, во второй половине XII в. (особенно во время правления боснийского бана Кулина) происходит переход к новой фазе этносоциального развития — формированию боснийской феодальной народности.

Весьма примечательно, что даже в иностранных источниках XII в. мы находим ценные свидетельства о все более заметной тогда самобытности Боснии не только в плане политической структуры, но и применительно к этносоциальным особенностям местного населения. Заслуживают особого внимания сведения об этом сложном и все еще недостаточно ясном, «темном» этапе истории Боснии, приведенные византийским писателем Иоанном Киннамом, внимательным наблюдателем и современником ожесточенной борьбы между Византией, Боснией, Сербией и Королевством Венгрия в середине XII в. Знаменательно, что он отдает дань архаизаторским тенденциям византийской литературы (так, например, он называет сербов «далматами»¹⁴), но в то же время четко отделяет Боснию от других сербских земель.

Так, Киннам, описывая события середины XII в., указал, что во главе «далматской (т. е. сербской.— *Е. Н.*) земли Боснии» стоял тогда самостоятельный правитель — бан Борич, что река Дрина отделяет «Боснию от остальной Сербии»¹⁵. Однако, по его словам, сама «Босния не подчинена архижупану (т. е. великому жупану.— *Е. Н.*) сербов, а народ ее имеет особый образ жизни и управления»¹⁶. Таким образом, жители Боснии в ту пору, согласно Киннаму, писавшему свой труд в 80-х годах XII в., принадлежали к числу сербов (в его наименовании — «далматов»), но в то же время уже составляли особый «народ» («этнос» — в греческом тексте Киннама), имевший свой собственный образ жизни и свое управление.

То, что «управление» в сочинении Киннама означает образование самостоятельной боснийской державы во главе с местными правителями — банами, не требует, разумеется, подробных разъяснений. Не менее любопытно то обстоятельство, что упомянутый выше византийский автор, располагавший чрезвычайно подробной информацией о землях современной ему Югославии, вовсе не говорит, что жители Боснии могли отличаться от других «далматов» (сербов) своим языком; конечно, близость наречий, существовавших тогда на территории Сербии и Боснии, не давала никаких оснований для тезиса о языковых различиях населения по ту и другую сторону р. Дрины.

Вполне понятно также, что Киннам, сам побывавший с византийскими армиями в этих районах Балканского полуострова, имел достаточно ясное представление об основных занятиях «далматов»: скотоводстве, земледелии, отчасти пчеловодстве, рыболовстве, домашних ремеслах, т. е. о тех отраслях хозяйственной деятельности жителей Боснии и Сербии, о которых мы знаем по сербским грамотам конца XII и XIII вв.¹⁷ Иными словами, сообщение Киннама об «особом образе жизни» жителей Боснии, по нашему мнению, может подразумевать в действительности не указание на какие-то особенные, боснийские отрасли сельского хозяйства или черты быта, а лишь отражение процесса формирования особого, боснийского самосознания, представление о принадлежности к иной (нежели вся сербская, «далматская») этнической общности.

В то же время такое вычленение (постепенно все более и более заметное) новой, боснийской «протонародности», а затем феодальной народности из рамок древнесербской этнической общности вовсе не означало тогда, что жители Боснии именовали себя как-то по-новому, иначе, чем остальные сербы. Не вызывает сомнения, что в ту пору (как и в

¹⁴ Византијски извори за историју народа југославије. Београд, т. IV. 1971, с. 27, 29.

¹⁵ Там же, с. 28, 51.

¹⁶ Там же, с. 28 (курсив наш.— *Е. Н.*).

¹⁷ Ср., например: Наумов Е. П. Господствующий класс..., с. 36—39; его же. Отрасли сельского хозяйства в Сербии XIII в.— В кн.: Вопросы истории славян. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985, с. 15—25.

XIII в., — о чем будет сказано ниже)¹⁸ этноним «сербы» обозначал и население в рамках феодальной сербской народности, и одновременно — жителей Боснии, где уже складывалась особая этносоциальная общность. Представляется, что термин «сербы» тогда уже служил не только обозначением одного уровня этнического самосознания (т. е. принадлежности к той или иной народности), но и определением более широкой метаэтнической группы южных славян. Такой вывод, на наш взгляд, важен для анализа этнической ситуации в ту пору по двум причинам.

Во-первых, тот факт, что обозначение «сербы» для жителей Боснии зафиксировано и более поздними (чем в XII в.) местными письменными источниками, говорит о достоверности и надежности сообщений Киннама в данном аспекте, следовательно, и о достоверности его конкретного свидетельства в пользу складывания в Боснии особого народа с особым «образом жизни».

Во-вторых, обратим внимание и на другое обстоятельство, имеющее непосредственное отношение к сложившейся уже в XI—XII вв. на территории Сербии и Боснии иерархии разных уровней этнического самосознания. Как известно, в то время в латинских памятниках (как местного, так и иностранного происхождения) весьма частым было употребление термина «славяне» — не только в смысле принадлежности ко всей семье славянских народов, но и в смысле широкой, метаэтнической общности, включавшей сербов и хорватов¹⁹. Самым наглядным примером такого вполне последовательного применения этнонима «славяне» (в смысле наднародностного определения для всех славян — обитателей западной части Балканского полуострова) служит известное сочинение конца XII в. — *Летопись попа Дуклянина*, написанная в Южной Далмации (в г. Бар)²⁰.

Весьма показательно, что в этом комплексе сказаний о прошлом югославянских земель (от Винодола на севере вплоть до Северной Албании на юге, притом с конца V до середины XII в. вовсе не употребляются обозначения уже давно сложившихся народностей (т. е. «сербы» и «хорваты»), а применяются лишь обозначения иных уровней этнического самосознания — а именно «славяне», о чем сказано выше, и низших локально-этнических или локально-политических общностей (типа «рашани» — жители внутренней Сербии или Рашки, «народ Травунии», «сремцы» и др.)²¹.

Само возникновение этого интересного и сложного нарративного памятника в городской среде Южной Далмации, где тогда еще существовало местное романское население (далматинцы — «романи», т. е. «римляне», или «латиняне»)²², позволяет объяснить распространенность термина «славяне» в *Летописи* попа Дуклянина не только этнической оппозицией славянского и романского этносов, не только стремлением автора (или авторов) таким образом «удачнее» обосновать «права» королей Дуклянского государства на все эти югославянские пределы, включая и Хорватию, Северную Далмацию.

Представляется весьма вероятным, что анонимный автор *Летописи* отразил и использовал в своих целях наметившееся в конце XI—XII в. изменение в иерархии этнических общностей, т. е. появление метаэтнического уровня этнического самосознания на данной территории («славяне» и «сербы»), о чем говорилось выше. В свою очередь, видимо, возросшее тогда значение таких широких этнических определений (как то «сербы» либо даже «славяне» — быть может, ввиду экспансии Византии и Королевства Венгрия) закономерно приводило, с одной стороны, к не-

¹⁸ См., например: *Тирковић С. Историја...*, с. 350.

¹⁹ Ср.: *Развитие этнического самосознания...*, с. 192.

²⁰ Подробнее см.: *Наутов Е. П. Этнические представления...*

²¹ *Шишић Ф. Летопис попа Дуклянина. Београд — Загреб, 1928*, с. 311, 320, 322, 323 (ср. термин «боснийцы» в итальянской редакции *Летописи*. — Там же, с. 311, — если не считать этот термин ошибкой или «вольностью» перевода латинского текста источника, где говорится о «войске» из Боснии).

²² Подробнее см.: *Јиречек К. Романи у градовима Далмације током средњег века. — Зборник Константина Јиречека, т. II. Београд, 1962.*

которому снижению роли народностного уровня, а с другой — к определенному оживлению существовавших уже ранее узколокальных традиций раннефеодальных «протонародностей», локального этнополитического сознания принадлежности прежде всего к соответствующему княжеству либо области²³.

Если говорить об этом, низшем уровне этнического самосознания в XII в. (отчасти и в XIII в.), следует, видимо, особо упомянуть о наличии сильной локальной традиции в Захумье (Хумском княжестве, т. е. современной Герцеговине), далее — об известном чувстве обособленности жителей Травунии (Требинье). Это наглядно проявлялось и в тексте Летописи попа Дуклянина, и особенно в т. н. Локрумских грамотах, где принадлежность к Захумью специально подчеркивалась не только применительно к официальным титулам и постам (как то «епископ Захулмий», «нобили Захулмий» и т. п.), но даже и вообще по отношению к любым славянским жителям этого княжества. Так, например, весьма показательно, что даже в противопоставлении другому этносу (т. е. «латинянам» — рагужанам и обитателям приморского г. Стои) здесь говорится не о «славянах» вообще, а именно обо «всех славянах Захулмий» (т. е. Захумья) или же просто о «людях Захулмий»²⁴.

Не вызывает сомнений, что такое явное оживление местных традиций, нарастание тенденций укрепления небольших «протонародностей» (в противовес единой феодальной народности) вплоть до конца XII в. находилось в непосредственной взаимосвязи с общим подъемом феодального партикуляризма (в Сербии особенно), с одной стороны, и ослаблением единой государственной власти в Дукле и Рашке — с другой²⁵. В свою очередь эти характерные для той поры линии политического развития сербских земель и Боснии во многом обуславливались усилившейся экспансией Византии и Королевства Венгрия, причем правители этих держав в своих видах нередко использовали и разжигали междоусобные войны и вражду отдельных политических деятелей, группировок знати и государственных образований, в особенности соперничество различных феодальных династий в Рашке, Дукле, претендентов на власть в Боснии и Захумье.

Именно поэтому укрепление самостоятельной Боснийской державы (при бане Кулине — примерно в 1180—1204 гг.) и образование единого Сербского государства Стефана Немани и первых Неманичей, включившего в конце XII — начале XIII в. Рашку (т. е. внутренние районы Сербии), Дуклю (Зету) и другие приморские земли (Захумье, Травунию и др.), что означало одновременно и ослабление притязаний соседних феодальных держав на все эти территории, и заметное подавление локального сепаратизма местных князей и знати (особенно в Дукле и Захумье)²⁶, явилось вместе с тем и значительным этапом в истории феодальных народностей данного региона — сербской и боснийской, важным рубежом в процессе развития и упрочения этнического самосознания этих общностей.

В то же время, подчеркивая общеисторическую значимость и типологическую близость указанных событий для Сербии и Боснии, для существовавших там феодальных народностей, мы должны также учитывать и определенные различия этнических процессов, протекавших в рамках этих двух государственных образований в конце XII — начале XIII в., и соответственно — немаловажные отличия в иерархии этнических представлений населения всех этих земель, во взаимоотношениях их жителей со своими соседями, иноплеменными или же относившимися к той же семье народов, к той же широкой метаэтнической общности (о которой уже упоминалось выше).

²³ Ср.: Развитие этнического самосознания..., с. 189.

²⁴ Шишић Ф. Летопис..., с. 194—195.

²⁵ См., например: Станојевић С. Историја..., Историја народа...; и др.

²⁶ См., например: Наумов Е. П. Господствующий класс..., с. 177 сл.; его же. К истории Сербского феодального государства в конце XII — начале XIII века. — Сов. славяноведение, 1976, № 1, с. 51—61.

Для того чтобы лучше представить себе всю специфику этнической ситуации в этих землях современной Югославии, нам следует прежде всего обратить внимание на политико-географические контуры Боснийской державы времен бана Кулина и одного из его преемников — Матвея Нинослава (ок. 1232—1250 гг.). В ту пору их владения включали далеко не всю территорию нынешней Боснии, охватывая лишь центральные и отчасти северо-восточные и юго-западные ее области²⁷, иными словами в состав Боснийской державы конца XII—XIII в. входили только некоторые внутренние районы данной части Балканского полуострова. Это обстоятельство во многом определяло большую этническую однородность державы Кулина и Нинослава по сравнению с гораздо более обширным Сербским государством Стефана Немани и его наследников.

Даже скудный материал исторических источников той эпохи наглядно свидетельствует не только о бесспорном преобладании славянского этнического элемента в Боснии *в целом*, но и о крайней незначительности неславянских поселенцев (а именно немецких колонистов — так называемых «саксов», а позднее скотоводов — «влахов») в любой ее области — и в главных политических и экономических центрах, и в отдаленных горных окраинах. В свою очередь неоднократные попытки венгерских правителей и феодалов, католической церкви (путем специальных крестовых походов или других политических действий) добиться прочного подчинения Боснии власти Королевства Венгрии и католической иерархии, «сокрушения» боснийских еретиков (богомилы или патарены), без сомнения, оказывали заметное воздействие на процессы развития политического и этнического самосознания местного населения и правящей верхушки.

По всей видимости, такое длительное противостояние (зачастую — военное) Боснии правителям Венгрии, деятелям папской курии и католической церкви Венгрии могло создавать, с одной стороны, почву для укрепления вековых представлений о «славянской» или «сербской» общности, т. е. общности происхождения, языка, религии, обычаев; политических традиций и т. д. С другой стороны, все это создавало предпосылки и для четкого отделения жителей Боснии от славянского населения (хорватов) соседних областей Королевства Венгрия не только как от «иноверных», но и «иновластных». Вместе с тем серьезные трудности, осложнявшие процесс самостоятельного развития Боснийского государства (почти постоянный антагонизм с властями Королевства Венгрия, нередкие внутренние распри, религиозные противоречия, сопутствовавшие оформлению самостоятельной, так называемой «еретической» — с точки зрения католиков — боснийской церкви), во многом затрудняли и замедляли нередкое поступательное движение и укрепление боснийской народности, формирование важнейших элементов ее самосознания.

В соответствии с этим, как уже неоднократно отмечалось в исторической литературе²⁸, в грамотах боснийского бана Матвея Нинослава, изданных в 30-х и 40-х годах XIII в., обозначением жителей его владений был только термин «сербы». Весьма примечательно также, что в этих документах, хотя речь идет лишь о подданных правителя Боснии, никогда не делается необходимых пояснений (типа «славяне Захулмии», как мы отмечали выше, в Локрумских грамотах). В актах боснийской канцелярии, подтверждающих привилегии купцов из г. Дубровника, употребляются лишь общие этнические определения, т. е. противопоставляются «влах» (иными словами — романский далматинец) и «серб» (в оригинале — «србљинь»), но вовсе не обитатели самого Дубровника и соответственно Боснии²⁹.

Такое преобладание в этническом сознании населения этих земель современной Югославии самых общих понятий о своей принадлежности

²⁷ См., например: *Гирковић С. Историја...*, с. 64.

²⁸ См., например: *Јиречек К. Власи и Мавровласи у дубровачким споменицима.* — *Зборник Константина Јиречека*. Београд, 1959, т. 1, с. 194.

²⁹ *Стојановић Л. Старе српске повеље и писма*, кн. 1, д. 1. Београд, 1929, с. 6, 8—10 (грамоты Нинослава Дубровнику от 1232—1235, 1240 и 1249 гг.).

(т. е. славяне или «сербы» в противовес романцам — «влахам», как и немцам, венграм), вероятно, объяснялось и отсутствием либо крайней неразвитостью в ту пору в рамках Боснийской державы тенденций к формированию или возрождению локально-политических традиций, сознания принадлежности к данной области (в составе самой Боснии — типа Рамы, Нижних краев) или полусамостоятельному княжеству, входившему в тот или иной момент в состав державы более удачливого бана (такая роль принадлежала области Усора к югу от р. Савы³⁰).

Во многом иначе выглядела этническая ситуация в обширном государстве под эгидой сербской династии Неманичей, включавшем не только Рашку, но и немалую часть Далмации (от о. Брач и нижнего течения р. Неретвы) и даже северную окраину Албании (обл. Пилот). Речь в данном случае идет прежде всего о наличии давних локальных этносоциальных и политических представлений, непосредственно связанных с существованием самостоятельных княжеств или же полусамостоятельных «земель», сохранявших особые обычаи, формы управления, стремление отстоять свою «самобытность» от жесткого контроля центральной власти. Эти особенности процессов политического и этносоциального развития (особенно в так называемых Приморских или Поморских землях, т. е. Захумье, Травунии, Зете) нередко приводили в то время к возрастанию обособленности отдельных земель от остального ареала сербской феодальной народности, к возобновлению или появлению черт, присущих «протонародностям».

Пожалуй, наиболее наглядно эта сложная и неравнозначная этническая динамика прослеживается на материалах Захумья (или Хумской земли, т. е. современной Герцеговины), которое во второй трети XIII в. отделилось от Сербского государства и образовало самостоятельное княжество во главе с великим князем Андреем и его сыном жупаном Радославом. Чрезвычайно показательно резкое расхождение в терминологии грамот этих правителей Хумского княжества и уже названных нами выше документов из канцелярии боснийского бана Нинослава, современника и северного соседа хумских феодалов. Так, в противовес обобщающим этническим определениям, широким обозначением целого этноса («влахи» — романцы или же только романские далматинцы) или метаэтнической общности («сербы»), выступающим в актах Нинослава, писцы самостоятельных хумских владетелей говорят только о конкретной принадлежности (политической и этносоциальной) жителей самого Дубровника и стараются подчеркнуть «самобытность» своей формирующейся народности — «хумлян».

Именно поэтому в хумских грамотах Андрея и Радослава мы вовсе не находим термина «сербы», которого, разумеется, писцы и их сюзерены старательно избегали (особенно в дипломатической переписке), а в тексте фигурируют лишь «дубровчане» (или же «ваш человек» — применительно к Дубровнику), а с другой стороны — только «хумляне» и «мои люди» (либо в плане этногеографическом — «наша земля» или «княжество Хумское») ³¹. Вполне понятно, что такое стремление «избежать» или устранить этноним «сербы» в официальной документации Хумского княжества объяснялось прямым выступлением местной феодальной знати (во главе с ее «законными» суверенами) против Сербского королевства, более того, в середине XIII в. даже переходом Хума под эгиду венгерского короля и вступлением Радослава Хумского в антисербскую коалицию ³².

Все это, по нашему мнению, свидетельствует о несомненно наметившейся во второй трети XIII в. тенденции к образованию новой, хумской народности или «протонародности» на той территории, которая еще прежде (в IX—X вв.) составляла особую «архонтию захлумов» (т. е. са-

³⁰ Ср. Тирковић С. Историја..., с. 63, 73.

³¹ Стојановић Л. Старе српске повеље и писма, кн. 1, д. 1, с. 5—6, 25—27 (в грамотах Андрея, ок. 1247—1249 гг., и Радослава, от 1254 г.).

³² Ср., например: Babić A. Iz istorije srednjovekovne Bosne. Sarajevo, 1972, s. 171—173.

мостоятельное княжество Захумье) и затем вошла в ареал раннефеодальной, древнесербской народности. Такая тенденция говорит, следовательно, о наличии в тот период в этой части югославянских земель не только горизонтальной, но и вертикальной динамики в непрерывно развивавшейся системе этнических общностей. Прежние, замедленные в своем «росте» локальные «протонародности» на какой-то исторический период могли при благоприятной обстановке вновь «возрождаться», более того, даже ускоренными темпами подниматься на более высокий уровень этносоциальной иерархии, либо, напротив, эти локальные процессы вновь обрывались и затормаживались.

И об этих резких «обрывах» намечавшихся тогда линий этнического развития мы можем также судить на основании судеб Хумской земли и смежных районов, которые находились в сфере притязаний разных феодальных владетелей — и Сербского королевства, и Боснийской державы, и Хорватии (т. е. Королевства Венгрия в унии с Хорватией). Уже примерно в 60-х годах XIII в. усилившееся Сербское государство Неманичей вновь установило свой контроль над Захумьем, слолив сопротивление местных претендентов и их сторонников³³; разгром этих поборников хумской «самобытности» привел не только к фактической ликвидации даже полузависимого, удельного Хумского княжества, но и, как справедливо отметил югославский историк А. Бабиц, к «раздроблению власти и территории», к выходу на первый план местных феодалов (более или менее крупных), к ослаблению «крепкой власти из какого бы то ни было центра»³⁴.

Впрочем, на наш взгляд, следовало бы иметь в виду, что и в период нарастания тенденции к особой, хумской народности в этих землях проявлялись и противоположные устремления, притом речь идет о подъеме крайне узкопартикуляристских настроений, а вовсе не о представлениях, связанных с чувством принадлежности к «сербам», хотя, вероятно, такие чувства и представления сохранялись и тогда у определенной части местного населения. Достаточно, например, сказать о зафиксированной в архиве Дубровника попытке жителей небольшой области центральной Далмации (Краины) в бурной обстановке середины XIII в. выступить в качестве особой, независимой политической (и отчасти, видимо, этносоциальной) силы, балансировавшей между Дубровником, Омишем, Захумьем и Сербией.

Весьма любопытно, что прибывший из Краины в Дубровник посол Одола Преденич выступал (в начале 1247 г.) в переговорах как представитель не «сербов» Краины и не «хумлян», а только «всех людей краинан» (или «краян»). Однако не менее примечательно и другое обстоятельство: здесь (так же как в хумских грамотах, а не в боснийских) в антитезе «краянам» названы лишь «дубровчане», но не «влахи»³⁵. Точно так же в другом документе, сохранившемся от той поры в архиве Дубровника письме локального князька Черномира (вероятно, из обл. Коनावли), говорится только о «моих людях», и, напротив, «ваших людях» — т. е. жителях самого г. Дубровника и принадлежавшей ему округи³⁶.

К сожалению, ввиду недостатка письменных источников той эпохи мы не можем ознакомиться более подробно с этническими представлениями обитателей других полузависимых областей и удельных княжеств в составе Сербского государства, в особенности с проявлениями политического и этносоциального партикуляризма. В то же время даже доступный нам материал позволяет судить о значительной сложности этнической ситуации и системы разных уровней самосознания в рамках державы Неманичей, о заметной этнической неоднородности этого обширного государства (по сравнению с Боснией или же эфемерным Хумским княжеством).

³³ *Јиречек К.* Историја Срба, т. 1. Београд, 1952, с. 182, ср. с. 179.

³⁴ *Babić A.* Iz istorije..., s. 172.

³⁵ *Стојановић Ј.* Старе српске..., кн. 1, д. 1, с. 21—22.

³⁶ Там же, с. 23—24.

В литературе уже неоднократно указывалось на определенные различия Рашки (т. е. внутренних районов Сербского королевства) и приморских провинций, в особенности Зеты. Так, например, сербский историк С. Новакович отмечал, что наряду со славянами (сербами) «в приморье были еще и албанцы — в Зете, и романцы по приморским городам и в их окрестностях»³⁷. При этом, разумеется, для устойчивости этого романского (далматинского) этнического элемента имели особое значение многовековые и многосторонние связи (экономические, церковные, политические и культурные) далматинцев, находившихся под эгидой Неманичей, с Италией и крупными городами Средней и Северной Далмации (Дубровником, Сплитом и т. д.).

Вместе с тем такая констатация заметных отличий Рашки от Приморья в этносоциальном отношении, на наш взгляд, вовсе не говорит в пользу тезиса о полной однородности и этнической консолидации Рашки в конце XII — XIII в. Достаточно сказать, в частности, о появлении в сербских городах и рудниках в середине XIII в. немецких колонистов («саксов»), которые, естественно, были весьма немногочисленны по сравнению со своими славянскими соседями, но в городской среде составляли немаловажное, притом резко выделяющееся (по своему языку, религии — католической в противовес православным сербам, привилегиям, обычаям) меньшинство, смыкавшееся в некоторых аспектах с далматинцами.

Наконец, одной из наиболее важных и спорных проблем этнической истории Сербского государства той поры является характеристика демографических сдвигов во внутренних районах, оценка этнической принадлежности уже упоминавшихся ранее скотоводов — «влахов». Дело в том, что в сербских грамотах конца XII — XIII в., дарованных Неманичами разным монастырям, этот термин вовсе не обозначает (как мы видели выше, применительно к актам Боснии XIII в.) какую-то широкую или же более узкую общность романского населения (т. е. романский этнос вообще или же только романских далматинцев узкой приморской полосы этой части Балканского полуострова). В сербских документах, относящихся к Рашке, этноним «влахи» обозначает целые общины («судства» или «катуны») или отдельных крестьян-скотоводов, находившихся в зависимости от духовных или светских феодалов, причем эти влахи обычно отличались своим происхождением, занятиями и обычаями от основной массы крестьян-сербов³⁸.

Вполне понятно, что такая общая характеристика влахов не вызывала расхождений в историографии, тогда как дискуссионным остается вопрос об оценке степени славянизации (сербизации) влахов в пределах Сербии, о значимости сербо-влашских этнических контактов и отношений, иными словами, проблема их этнической принадлежности. Так, в противовес тезису о полной славянизации сербских влахов (уже в давние времена, во всяком случае к XIII в.), который был выдвинут С. Новаковичем, современный югославский медиевист С. Чиркович пишет: «Хотя влахи приняли язык и имена славянского окружения, хотя они (правда, весьма поверхностно) были охвачены господствующей церковью, они не воспринимались этим окружением в качестве членов той же общественной и этнической общности»³⁹. Конкретный анализ влашской антропологии и других сведений, сохранившихся в сербских грамотах конца XII и XIII в., позволяет, по нашему мнению, во многом уточнить представления об этническом облике сербских влахов и их месте и роли в ареале сербской феодальной народности в процессе ее развития в XIII в.⁴⁰

В этот период, на наш взгляд, в пределах Сербского государства достаточно наглядно прослеживается существование сложной иерархии этнических общностей, а соответственно и уровней этнического самосоз-

³⁷ Новаковић С. Неколика..., с. 72.

³⁸ Подробнее см.: Наумов Е. П. Волошская..., его же. Балканские влахи...; и др.

³⁹ Božić I. i dr. Istorija..., s. 66.

⁴⁰ Подробнее см.: Наумов Е. П. Балканские влахи...; его же. Процессы формирования средневековой сербской народности... и др.

нения. Весьма показательно, что, несмотря на постепенно нараставшие в XIII в. процессы политической и культурной консолидации, в рамках державы Неманичей наряду с основным этносоциальным организмом (сербской народностью) сохранялись и определенные локальные различия в самой славянской среде (об этом мы уже говорили выше — на примере Хумской земли), создававшие в тот или иной момент предпосылки для возрождения или образования «протонародностей». Вместе с тем в этих же границах ареала сербской феодальной народности развивались романо-далматинский («латиняне») и романо-влашский субэтнотипы, причем именно влашская среда Рашки (романо-влашский субэтнос) оказывалась менее однородной и представляла собой, видимо, уже своеобразное сочетание этнографической группы и субэтнотипа ввиду заметного притока владх (почти неславянизированных) из Болгарии и Византии, с одной стороны, воздействия славянской среды, романских далматинцев и, быть может, также албанцев — с другой⁴¹.

В то же время именно на примере сербских владх мы можем в известной мере выявить глубинные тенденции консолидации сербской народности, упрочения отношений славянского и неславянского населения в рамках Сербского государства, взаимосвязанные с длительными процессами политической стабилизации, укрепления центральной власти, ликвидации удельных княжеств и феодальных перегородок между разными областями⁴². Многие владхи, как мы знаем из грамот XIII в., уже принимали сербские (славянские) имена и сохраняли свои прежние (романские) имена в качестве вторых, семейных или даже прозвищ; в какой-то мере это позволяет нам судить о двуязычии влашской среды, об интенсивности сербо-влашских взаимосвязей.

Вместе с тем ускорившееся с конца XII в. социально-экономическое развитие Сербии и Боснии все сильнее воздействовало на консервативный быт и устои жизни местного населения, даже в малодоступных горных местностях (в том числе и владх). Прежние локальные связи разрывались в силу пожалований новыми государями феодальных земельных владений представителям светской (а в Сербии также духовной) знати; в свою очередь большие размеры принимал в Сербии и процесс переселения владх в низинные места, отчасти переход их к земледелию. Наплачивание внутренней и внешней торговли, развитие прежних городов и появление новых политических и экономических центров привлекало все больше жителей разных областей к участию в системе многосторонних экономических и общественных связей, сплачивавших этнические общности.

В то же русло этнической консолидации сербской и боснийской феодальных народностей включалось и развитие в Сербии и Боснии государственно-правовой идеологии, естественно, резко различавшейся по своим конкретным целям в этих двух государствах, и воздействие господствовавшей тогда церкви — в Сербии автокефальной православной архиепископии⁴³, а в Боснии сформировавшейся к этому времени самостоятельной т. н. «боснийской церкви»⁴⁴. Распространение письменности на своем родном языке закономерно облегчало определенное сближение и слияние разных этнических и этнографических групп на этой территории, однако все эти процессы упрочения и укрепления феодальных народностей были не всегда непрерывными, более того — необратимыми. Многозначность политической и социальной динамики привела уже в конце XIII — начале XIV в. к появлению новых черт этнического развития.

⁴¹ См.: *Наумов Е. П.* Балканские владхи...; и др.

⁴² См., например: *Наумов Е. П.* Господствующий класс..., с. 196 сл.

⁴³ Српска православна црква 1219—1969. Београд, 1969, с. 40; и др.

⁴⁴ См., например: *Историја народа Југославије*, т. 1, с. 517 сл; и др.